

УДК 009:125, 37.035.6

Воробьёва Т.Ю.

*Южно-Российский государственный технический университет (НПИ), Новочеркасск***ВОСТОК: ПУТЬ В КОСМИЧЕСКУЮ ДАЛЬ**

Исследуется восприятие пространства в культуре Востока и Запада. Используется сравнительный анализ традиций пессимизма и футуризма в произведениях литературного и изобразительного жанров. Показана связь восточной культуры с Космосом.

We investigate the perception of space in the culture of East and West. Use a comparative analysis of traditions pessimism and Futurism in the works of literary and visual genres. The connection of the eastern culture with the Cosmos.

*Цепочка человеческой памяти
уже тянется с Земли в космос.*

Ч. Айтматов

Век минувший провёл границу между национальным и социально-политическим, разъединяя души человеческие, народы в поиске своего места в мире. Мода на западный образ жизни с видимым благополучием возродила кочевнический инстинкт в форме кратковременных и долговременных (на всю жизнь) путешествий на запад. Однако возможность почувствовать запад реально вызывала ностальгические чувства и желание вернуться на Восток.

Временно-пространственный пессимизм характерен для переломных этапов в жизни народов. Усиливается во время революций, войн, во время изменения сознания, в одновременном направлении вперёд (фантастика) и назад (сказка, миф), как это было в 1910-е гг., в 1960-е гг. и будет в наступающем будущем. В 1961 г. человек полетел в Космос, и в 1965 г. он вышел в открытый Космос. И сказочное, и фантастическое объединяет кажущаяся нереальность, определяемая иным, неосязаемым временем и иным, неизвестным пространством. Однако нереальное время и пространство может быть рядом, но оно не воспринимается вследствие незнания его. Айтматов характеризовал этот синтез реального с нереальным как «мир, ... раздираемый противоречиями – экономическими, политическими, идеологическими, расовыми», где «Фантастическое – это метафора жизни, позволяющая увидеть её под новым, неожиданным углом зрения» [1; 6]. Задача у сказки и у фантастического произведения одна. Она заключается в напоминании «трудящемуся человеку о его ответственности за судьбу нашей земли...». Здесь поднимается вопрос четвёртого измерения времени как формы ответственности за будущее. В архитектуре вопрос 4-D проектирования был предложен Фуллером¹ уже в конце 1920-х гг. в концепции нового жилья для человечества-«Светоносный дом», полный света и лёгкости [9; 303]. Фуллер призывал думать о последствиях, а не только личных целях, что собственно характерно для современного этапа развития стран, входивших в состав СССР.

Несоразмерное глазу человеческому не вызывает ответственности, оно вызывает желание либо исказить даль, сохранив своё пространство, либо достичь дали с целью его познания. Национальная культура отличается глубиной пространства, дали, которая необходима для удовлетворения этого желания. Пространство углубляется в разных направлениях: в горизонтальном (восток – запад, запад – восток, север – юг и т.д.) и вертикальном (Земля – небо – Космос). Выбор направления также является характеристикой национальной, отпечатанной на генетическом уровне историей народа. А

¹ Ричард Бакминстер Фуллер (1895-1983) – учёный, архитектор, дизайнер. По тематике геодезических куполов зарегистрировал 25 патентов в США, написал 28 книг. Имел 47 почетных докторских степеней. В 1969 г. номинировался на Нобелевскую премию мира. Первый полноразмерный геодезический купол без внутренних опор в 1951 г. был выставлен в Музее современного искусства, в Нью-Йорке.

«человек без памяти прошлого, поставленный перед необходимостью заново определить своё место в мире, человек, лишённый исторического опыта своего народа и других народов, оказывается вне исторической перспективы и способен жить только сегодняшним днём» [1; 10].

О восприятии дали в западной культуре Шеллинг писал: *«даль» имеет в западной лирике всех языков грустный осенний оттенок»* [10; 117]. Западный человек ищет её, но не находит. Потому как даль непостижима для него. Даль – это удел Востока. Независимо от направления в пространстве основной характеристикой пространства остаётся глубина и/или высота. Высота важнее, но недоступнее. Высота – это небо, это Космос, это мечта кочевника, дальний путь к звёздам. Для дали остаётся постоянным одно – не конечная цель, а сама дорога, путь к ..., а не до Посему как *«хоть и далеко, да полётно»*. Русская и киргизская культуры наличествуют метафорами дали у писателей и художников XX в. Путь в горизонтальной плоскости отождествляется с дорогой, водой, предметами, людьми, направлением. Так, путь по земле у Айтматова по смыслу параллелен железной дороге: *«... или не спеша вдоль железнодорожной линии. Редкий час выдался. ... Смутная, текучая синева захватывающего дух простора возвышала мысли, вызывала желание долго жить и много думать...»* [1; 120]. Или *«В глубине картины – край осеннего поблекшего неба. ... На первом плане – красно-бурая полынная степь. И дорога чёрная, еще не просохшая после недавних дождей. Теснятся у обочины сухие, обломанные кусты чия. Вдоль размытой колеи тянутся следы двух путников. Чем дальше, тем слабее проступают они на дороге, а сами путники, кажется, сделают ещё шаг – и уйдут за рамку. Один из них...»*. И там же *«... и мне нестерпимо захотелось выйти на дорогу, выйти, как они, смело и решительно, в трудный путь за счастьем»* [2; 52].

В какой стороне этот путь за счастьем для Востока? Независимо от национальности, советские писатели, в душе сохранявшие тоску по национальному, говорили о проблеме выбора пути между западным и восточным путём: *«Авианосец «Конвенция» стоял против ветра среди бесконечно набегающих тихоокеанских волн. Никто в мире не знал, что на его борту в это время решалась глобальная судьба планеты... / Поезда в этих краях или с востока на запад и с запада на восток...»* [1; 157]. Неопределённость пути сохранялась, потому как образец западной жизни был внешне манящим, а душу влекло на восток: *«... с неразлучной женой пересекал он Волгу и Урал то на восток, то на запад»* [2; 238]. Айтматов точно показал проблему пути, выразив её словами: *«Должно быть, самое трагическое противоречие конца XX века заключается в беспредельности человеческого гения и невозможности реализовать его из-за политических, идеологических, расовых барьеров, порождённых империализмом»* [1; 15]. Поскольку *«Всё же все остальные пути, какие только может изобрести твой отчаявшийся мозг, – все ведут к столкновению с Законом»* [9; 260]. А закон всегда отождествлялся с Западом.

Автор проводил опрос среди 200 обучающихся в вузе человек в возрасте от 17 до 20-и лет. В процессе исследования предлагалось выбрать из двух понятий одно: Закон или Благодать. Ответы разделились симметрично. В России, в которой всегда Благодать была важнее Закона, Закон уравнивается в понятиях со светом душевным. Закон – это жёсткие ограничения, это границы, которые, по определению, близки западному сознанию. На Западе иное отношение к перспективе. Западная культура линейна в основе своей. Ей недостаёт пространства, открытости и направленности сферической. Так, у Гёте, представителя немецкой романтической школы, для которой необходима была даль как состояние: *«Взгляни на город – разостлан в долине, / Отсюда он видится, как на картине: / Быстро из узких старинных ворот / Сыплется плотной гурьбой народ – / Всякий на солнце выходит сегодня / Праздновать день Воскресенья господня, / Сами, воскреснув душой от трудов, / Забывши о нуждах вседневных забот, / Всё из-под кровель тяжелого гнету, / Из душных рабочих, из тесных домов, / Из храмов торжественно-сумрачной сени, / Из улиц, сжатых рядами строений, / Бегут, чтоб на воле в усталую грудь / Вешний, целебный воздух вдохнуть. / Посмотри, полюбуйся! повсюду, как волны. / Толпа дробится вблизи, вдалеке; / А там, колыхаясь по светлой реке, / Несутся врозь весёлые*

челны; / Вот в пристани, весь дополна нагружен, / Оставался один – и тот отплывает! / Куда ни взгляни, со всех сторон, / Даже с гор, цветная одежда мелькает». Кровля гнёта сменяется «кровлей» города. Важен конечный пункт – город, к которому стекается вся жизнь человеческая. Красив пейзаж, однако он стекается к центру, к главной точке. В совокупности ограниченность пространства выстраивается в последовательности: дом – город – планета: «Эта планета / В зелень одета. / Нивы и горы / Летом в уборы / Облечены. / **Всё – в оболочке!** / Первые почки, / Редкие ветки, / Гнёзда, беседки / И шалаши» [6; 134]. Замкнутость отождествляется Мефистофелем, обозначающим желаемое жилище для себя посредством рамок поместья, архитектурных элементов, деревьев: «Так замок я б себе воздвиг / В веселом живописном месте / И превратил бы в парк, в цветник / Своё обширное поместье. / Деревья в прихотливой стрижке,.. / А в чаще, замыкая круг, / Я выстроил бы павильоны / Для обольстительных подруг. / Я б с ними проводил в имение / Свои часы уединенья. / Подруг» я с умыслом сказал, / А не для округленья слога: / Красавицы – мой идеал / В том случае, когда их много». Наличествует замкнутость формы, нет перспективы и открытости пространства, нет свободного дыхания. Наличествует замкнутость и наполненность.

Замкнутость и наполненность отождествляется и в научении Фауста, и в наполненности города народом, парка – деревьями, поместья – архитектурными строениями и женщинами. Отсутствует глубина, открытое пространство и наличествует приземлённость, которая словами Шпенглера вызывает «фаустовское тоскующее стремление» романтизма к недостижимой бесконечности. В западной культуре «перспектива вызывает предчувствие чего-то преходящего, уходящего, последнего». Конечность жизненного пути переживается посредством внутренней перспективы. Наличествует фактор зеркальной симметрии: внешняя перспектива (глубина) – внутренняя перспектива (глубина, внешняя конечность); рамки – внутренние рамки (ограничения и конечность) жизни. Перспектива, отраженная в бесконечности «вянущих аллей, бесконечных линий, улиц наших мировых городов, рядов колонн собора, вершин отдалённых горных кряжей... доказывает, что переживание глубины, которое создаёт... **мировое пространство, есть... внутреннее сознание судьбы, predeterminedного направления, времени, безвозвратного**» [11; 186-187]. Однако улицы западных городов весьма сложно назвать перспективными. В большей мере здесь выражается желание создать эту даль и бесконечность, а именно «объять необъятное» [5; 352]. В западной культуре глубина символизирует время.

Для Востока необъятность является внутренним состоянием. Потому как «пойди туда, не знаю куда» вызывает у восточного человека только прилив душевных сил. Даже если путь отождествляется с жестокостью, как в период сталинских репрессий и ссылок в самые отдалённые уголки России. Пускай у Гоголя всё стекается к ярмарке, но каждый год этот путь разный. И время не столь существенно, потому как «Такою роскошью блистал один из дней жаркого августа тысяча восемьсот... восемьсот... Да, лет тридцать будет назад тому, когда дорога, вёрст за десять до местечка Сорочинец, кипела народом, поспешавшим со всех окрестных и дальних хуторов на ярмарку» [8; 59]. У Айтматова «...С чёрных гор когда пойдет кочевье, / С синих гор когда пойдет кочевье, / Ты не жди меня на ярмарке, Бегимай...», потому что дорога идёт в «с востока на запад и с запада на восток». В поиске дома люди уходят от дома.

И направление может быть одновременным во все стороны как у Ахмадулиной: «Благословляю вас на все четыре стороны». Движение осуществляется одновременно и во времени, и в пространстве между всеми сторонами света и высью. Рамки, ограничения носят локальный, внутренний характер при наличии свободного внешнего движения, как, например, у Гоголя река: «чистое зеркало – река в зелёных, гордо поднятых рамах...». Однако эти рамки не ограничивают направления движения: «Своенравная, ... и капризам её конца нет, – она почти каждый год переменяла свои окрестности, выбирая себе новый путь и окружая себя новыми, разнообразными ландшафтами. Ряды мельниц подымали на тяжёлые колёса свои широкие волны и мощно кидали их, разбивая в брызги, обсыпая

пылью и обдавая шумом окрестность». Река течёт, словно наслаждаясь новыми путями, новой далью и красотой прибрежной, её открываемой и создаваемой. Однако не известно её направление, «не угадать». У Астафьева противоположные берега стремятся к встрече, нереальной встрече в горизонтальной плоскости: «Теплоход меж тем неторопливо развернулся, стеснив собою Енисей, и, уцелившись узким, обкатным носом в северные распахнутые дали, ... и покотился на круто выгнутый озор реки, где качались, мерцали в солнцеебое две меж собою не соединяющиеся полоски земли». [4; 256]. У Айтматова: «И снова стремительно протекала перед ним большая быстрая река. Голова кружилась от скорости течения. Он прыгнул и перелетел через реку» [3; 73]. В описании дали Айтматов использует образы воды, также окруженной землёй, а именно горами: «Ходят белые волны по синей воде, ветры гонят их издали, угоняют вдаль. Где начало Иссык-Куля, где конец – не узнать. С одного края солнце восходит, а на другом ещё ночь. / Сколько гор стоит вокруг Иссык-Куля – не счесть, а за теми горами сколько еще таких же снежных гор высятся – тоже не угадать» [3; 42].

Здесь пред нами раскрывается обратная и сферическая глубина. Истина, душа кроется не за пейзажем, не где-то вдалеке, а перед пейзажем, перед рекой, перед дорогой, пред ярмаркой. Аналогичное построение обратной перспективы характерно для русской иконописи [12; 117-120]. Всё, находящееся в поле внешнего и внутреннего зрения, воспринимается одновременно со всех сторон. Происходит не движение за идеалом, а идеал, душа движется навстречу путнику. Стремление к пути оттого и существует, поскольку цель движется навстречу и её движение бесконечно, как бесконечен Космос.

Путь в Космос открылся в направлении Восток – Запад. Иначе быть не могло, поскольку кочевнический инстинкт никогда не был свойственен западному человеку. Инстинкт завоевания и обладания, переродившийся в общество потребления – да, инстинкт пути – нет. Ощущение и чувство, знание и традиция собственного пути определяющий фактор в образовании, в туризме, экономике, истории, науки в целом. Путь тогда становится красивым, когда он отождествляется с направлением жизни народа, а для народов Востока, народов России и народов Киргизии – это путь в Космос, как путь пассаизма и футуризма, как путь от традиций к инновациям.

Литература:

1. Айтматов Ч. И дольше века длится день (Белое облако Чингизхана), Роман; Лицом к лицу, Повесть. -Бишкек: Главная редакция Кыргызской Советской Энциклопедии, 1991.
 2. Айтматов Ч. Первый учитель. Повести. Перевод с киргизского А.Дмитриевой. - Киев: Издательство детской литературы «Веселка», 1976.
 3. Айтматов Ч. Белый пароход / Собрание сочинений. [Т. 2. М.: Молодая гвардия, 1983.
 4. Астафьев В. «Царь-рыба» // Собрание сочинений в пятнадцати томах. Т. 6. - Красноярск: Офсет, 1997.
 5. Бранский В. П. Искусство и философия: Роль философии в формировании и воспитании художественного произведения на примере истории живописи. - Калининград: Янтарный сказ, 1999.
 6. Gössel P., Leuthäuser G. Architecture in the 20th Century. V. 2. Köln: TASCEN GmbH, 2005.
 7. Гёте И.Ф. Фауст. Перевод с нем. Пастернак Б. Вступительная статья и комментарии: Н.Вильмонт. -М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960.
 8. Гоголь Н.В. Собрание сочинений в девяти томах. Т. 1. -М.: Русская книга 1994.
 9. Солженицын А. Архипелаг ГУЛаг. -М: АРМАДА, Альфа-книга, 2010.
 10. Шеллинг Ф. Философия искусства. -М.: Мысль, 1966.
 11. Шпенглер О. Закат Европы. -М.; Пг, 1923.
- Флоренский П. А. Обратная перспектива. // Собр. соч. -Paris., 1985. -Т. 1